

0-791072

На правах рукописи

Панченко Алексей Борисович

**ЭТНИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ЕВРАЗИЙСКОМ ДИСКУРСЕ:
1920–1990-Е ГГ.**

Специальность: 07.00.07 – этнография, этнология и антропология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Сургут 2011

Работа выполнена на кафедре социально-гуманитарных дисциплин ГОУ ВПО ХМАО - Югры «Сургутский государственный педагогический университет»

Научный руководитель:
доктор исторических наук, доцент
Октябрьская Ирина Вячеславовна

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН
Головнев Андрей Владимирович (Учреждение Российской академии наук Институт истории и археологии Уральского отделения РАН).

доктор исторических наук
Абашин Сергей Николаевич (Учреждение Российской академии наук ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН)

Ведущая организация:
ГОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»

Защита состоится 26 декабря 2011 г. в 14.00 часов на заседании диссертационного совета Д 003.006.01 по защите диссертаций на соискание учёной степени доктора исторических наук при Учреждении Российской академии наук Институте археологии и этнографии Сибирского отделения РАН по адресу 630090, г. Новосибирск, проспект академика Лаврентьева, 17

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Учреждения Российской академии наук Институте археологии и этнографии Сибирского отделения РАН

Автореферат разослан «24» ноября 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор исторических наук

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000688421

С.В. Маркин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Изменение системы политических ценностей в постсоветской России привело к необходимости пересмотра важнейших идеологем общественной сферы и ряда положений гуманитарной науки.

В рамках разработки фундаментальных проблем методологии общественных и гуманитарных наук возник интерес к евразийской школе, в начале XX в. сформулировавшей принципы сосуществования стран Востока и Запада в масштабах евразийского пространства.

Евразийство стало чрезвычайно востребованным в политическом дискурсе стран СНГ. О своей приверженности к этому учению, определившему принципы структурирования Евразии, на протяжении 1990–2000-х гг. говорили многие государственные лидеры. Пристальный интерес к евразийству как политическим, так и научных кругов обусловил актуальность его изучения.

Конец XX в. был отмечен выходом серии методологических изданий, в том числе в области этнографии, этнологии и смежных дисциплин. Общим в них являлось стремление определить основные тенденции развития науки о народах мира. Интерес к этому учению определял содержание ряда международных конференций: «Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения» (г. Барнаул, РФ, 2004 г.); «Евразийство: от идеи к практике» (г. Астана, РК, 2004 г.); «Евразийство и национальная идея» (г. Уфа, РФ, 2005 г.).

Объектом исследования в рамках данной работы был избран евразийский дискурс в его динамике от зарождения в 1920-е гг. до начала 1990-х гг. К евразийству причисляют: историка и филолога Н.С. Трубецкого (1890–1938), экономиста и географа П.Н. Савицкого (1895–1968), историка Г.В. Вернадского (1887–1973), правоведа Н.Н. Алексеева (1879–1964), историка и философа Л.П. Карсавина (1882–1952), историка и богослова Г.В. Флоровского (1893–1979). В 1956 г. к евразийству присоединился географ и историк Л.Н. Гумилев (1912–1992). Каждый из них внес свой вклад в развитие евразийства – его исторических, правовых, историософских и этнологических концептов.

Предметом исследования в данной работе является этническая проблематика евразийского дискурса в контексте становления теории этноса, с точки зрения ее формирования и развития в политическом, научном и культурном контексте России и мира XX в.

Хронологические рамки исследования определяются от времени складывания евразийства, которое заявило о себе как единое течение в 1921 г., до момента, когда формально оно прекратило свое существование в 1939 г. В дальнейшем идеи евразийцев были актуализированы в трудах Л.Н. Гумилева, опубликованных с 1956 г. по 1992 г.

Изучение евразийства в данной работе опирается на анализ общественного, политического и научного контекста, в котором оно возникло. Вследствие этого нижняя хронологическая граница исследования сдвигается к первой половине XIX в., когда в России появился интерес к народоведческой тематике и появились работы, обозначившие проблему соотношения Востока и Запада в связи с судьбами России.

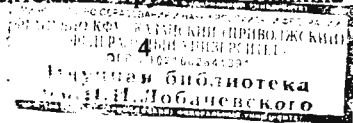
Территориальные рамки исследования определяются локализацией евразийских исследований в России, Европе и Америке. Становление идеологии, методологии и основных концептов евразийства происходило в рамках российского научного общественно-публицистического дискурса конца XIX – начала XX в.; основными центрами формирования евразийского дискурса в Европе были: г. София (1920–1922), г. Берлин (1923–1925), г. Прага (1924–1939), г. Париж (1926–1929). С 1924 г. в г. Праге действовал регулярный евразийский семинар под руководством П.Н. Савицкого; в 1925 г. под руководством Л.П. Карсавина был организован семинар в г. Париже; с 1926 г. евразийские семинары проводились в г. Брюсселе, г. Риге, г. Лондоне. С 1927 г. научная деятельность Г.В. Вернадского проходила в Йельском университете США.

Цель диссертации определяет системная характеристика евразийства с позиций оценки его вклада в разработку народоведческой (этнической) проблематики в гуманитарной науке России и вклада евразийцев в развитие отечественной и мировой этнографической/этнологической науки.

Задачами диссертации являются: определить социально-политические, культурные, мировоззренческие предпосылки и обстоятельства формирования евразийства в России; выявить теоретические основы и источники этнических концептов евразийства; проследить эволюцию этнокультурной, этногеографической и этнополитической проблематики в евразийском дискурсе; дать оценку вклада евразийцев в развитие теории этноса, в развитие отечественной и мировой этнологической науки.

Состояние научной разработки темы исследования. В 1990–2010-е гг. в России было опубликовано большое количество работ, посвященных евразийству как идейно-политическому течению. Однако исследований, рассматривающих этническую проблематику евразийского дискурса и место евразийства в контексте эволюции отечественной и мировой науки о народах практически не было. Это определило новизну и оригинальность данной диссертации, которая опирается на исследования по истории этнографической науки, по общей историографии евразийства и его отдельным теоретико-методологическим положениям.

Первым масштабным исследованием по истории российской этнографии стал четырехтомный труд А.Н. Пыпина «История русской

этнографии» (1890–1892), где впервые была обозначена парадигма изучения истории науки о народах России и мира в контексте развития отечественной общественной мысли.

В обобщающих работах С.А. Токарева (1956, 1966) на фоне периодизации российской этнографии и общей оценки ее вклада в мировую этнографию впервые было отмечено, что рассмотрение этнографических концепций возможно только в их развитии, направление которого напрямую связано с социально-политическим контекстом. Исходя из этого методологического основания, в 1978 г. в фундаментальном исследовании о зарубежной этнографии С.А. Токаревым рассматривались основные концепции науки о народах, начиная от эволюционных середины XIX в. и заканчивая теориями начала второй половины XX в. Однако в серии работ по истории мировой этнографии С.А. Токарева отсутствовали сюжеты, связанные с евразийством.

Особое внимание истории этнографии было уделено в работах Ю.В. Бромля, посвященных теории этноса (1981, 1983). Проследивая генезис отдельных теоретических положений этнографии, автор, однако, не давал характеристики контекста, в котором они появлялись.

Проблема становления советской этнографии получила разработку в монографии Т.Д. Соловей (1998). Анализируя ход дискуссии о задачах этнографии и определяя истоки становления ее теоретических положений в трудах С.М. Широкогорова и Н.М. Могиланского, автор справедливо отмечала влияние европейской школы антропogeографии и школы культурных кругов на отечественную науку первой трети XX в. Фундаментальная работа Г.Е. Маркова «Нсмецкая этнология» (2004), посвященная анализу основных направлений науки о народах в Германии, позволяет детализировать это положение.

Однако за пределами исследовательских интересов современных авторов остается продолжительная и многоаспектная разработка народоведческой проблематики (включая представления о связи народа и территории и прочего) в российском гуманитарном дискурсе конца XIX – начала XX в.

Народоведческая/этническая проблематика является основой формирования и развития российской этнологии/этнографии. В последние годы опубликовано несколько работ, посвященных одному из основоположников теории этноса – С.М. Широкоговору. Среди них можно отметить работы Е.В. Ревуненкова и А.М. Решетова (2003), статьи В.Р. Филиппова, А.М. Кузнецова и других, опубликованных в «Этнографическом обозрении» (2006). В них анализируется содержание концепции этноса и прослеживается ее эволюция.

Эта теория, получившая развитие в трудах Ю.В. Бромля и Л.Н. Гумилева, неоднозначно оценивается в современной науке. В ряде

обобщающих работ В.А. Тишкова (1992, 2003, 2008) она подвергнута развернутой критике. Наибольшим недостатком отечественной (советской) этнографии признается изоляционизм, отрыв от развития европейской и американской теоретической мысли в области социальной и культурной антропологии. Не оспаривая общего содержания тенденций развития российской этнологии, следует все же подчеркнуть, что анализ ее истории позволяет говорить о синхронности ряда антропологических/этнологических разработок в России и в Европе в конце XIX – начале XX в. Становление евразийского дискурса является ярким тому подтверждением.

Судьбы отечественной этнографии 1920–1960-х гг. анализируются в монографии Ю.Л. Слезкина (1994). Описывая широкий контекст существования этнографической науки, автор подчеркивает ее включенность в политическую и культурную жизнь России того периода. И хотя в этой монографии не рассматривается евразийский дискурс, она, безусловно, имеет большое значение для определения новых подходов к изучению истории гуманитарной науки.

В 2000-е гг. вышел цикл работ, посвященных различным этапам истории этнографической науки, отдельным ее представителям, региональным центрам и школам.

В ряде работ В.А. Тишкова, С.Н. Абашина и др. рассматриваются теоретические проблемы как советской, «примордиальной», теории этноса, так и современных конструктивистских подходов к этносу и этничности. Особое внимание уделяется возможности конструирования и смены этничности методами политики и культуры.

В работе А.В. Головинска «Парадоксы народоведения» (2004) анализируются различные подходы в отечественной и зарубежной науке о народах; упоминается русская или «евразийская» школа этногенеза, представителями которой названы Н.С. Трубецкой и Л.Н. Гумилев. Эта статья является единственной попыткой вписать евразийство в контекст развития мировой этнологии.

Работы этой группы позволяют воссоздать принципы организации науки рубежа XIX – XX вв., реконструировать политический, социальный и научный контекст возникновения различных этнографических теорий. В то же время не существует работ, прослеживающих связь евразийства с развитием российской этнографии, ее теорией и методологией. Данная диссертация призвана восполнить существующий пробел.

Определяющее значение для данной диссертации имеют биографические исследования и исследования, посвященные истории евразийского движения, вписывающие его в историко-культурный и историко-политический контекст России и Европы.

Первые работы о евразийстве появились практически сразу после его возникновения в 1921 г. Как правило, они рассматривали евразийскую

копцепцию в целом. Стоит отметить публицистический характер критики евразийского дискурса. Со сходом евразийства с политической арены в конце 1930-х гг. исследования, посвященные ему, практически прекратились.

В 1960-е гг. исследования в области евразийской проблематики возобновились. Ряд статей американского исследователя Н.В. Рязановского (1964, 1967, 1972) были посвящены причинам и условиям возникновения движения евразийства. Автор включал его в общую картину развития русской философии, подчеркивал связь евразийства с дореволюционной наукой и культурой. Правда при этом основной упор делается не на сходства, а на различия. С работы Н.В. Рязановского о Н.С. Трубецком началось исследование биографий евразийцев. Вслед за Н.В. Рязановского зарубежные авторы, работавшие в 1980–1990-е гг. (Ч. Гальперин, О. Босс, Л. Люкс) выделяли ряд ключевых понятий евразийства: «месторазвитие», «языковой союз», «симфоническая личность» и т.д.

В СССР на протяжении XX в. евразийство не было объектом специального изучения. Редкие упоминания носили негативный характер. Евразийство рассматривалось в контексте политических течений белой эмиграции и объявлялось реакционной идеологией. Констатировалась религиозная окраска евразийства, необоснованные претензии на научность и проч. Целостного анализа, как правило, не проводилось.

После распада СССР начался настоящий бум в исследованиях евразийства. Центр их сместился из Европы и США в Россию. В российском научном сообществе, ориентированном на евразийство, образовалось несколько основных региональных центров. Самым крупным стал московский. Основными в творчестве его представителей (М.Г. Вандалковская, В.Я. Пащенко, С.С. Хоружий, А.Г. Дугин и др.) являются геополитические, исторические и философские концепции евразийцев.

К концу 1990-х гг. в изучении евразийства сформировался поволжский центр (Р.Р. Вахитов, М.Б. Ямалов, Р.Б. Тагиров, Р.Ф. Гатауллин, Э. и Р. Шариповы), тематику которого определили взаимоотношения между славянскими и тюркскими этносами в масштабах Евразии и евразийская философия. Уральский центр (А.В. Головнев, К.И. Зубков, С.С. Беляков, И.В. Побережников), занимается анализом отдельных евразийских концептов и их влияние на развитие отечественной гуманитарной мысли. Томский центр (А.Н. Полухин, Н.В. Ануфриева) поставил в центр исследований историографические проблемы. Исследователи г. Новосибирска и г. Барнаула (Ю.В. Попков, А.В. Иванов, Е.В. Романова) рассматривают философскую составляющую евразийства, пытаются применить его доктрину к современной России. С 2004 г. по 2010 г. в Барнауле прошло пять всероссийских конференций, посвященных

евразийству.

Усилиями российских и зарубежных исследователей к началу XXI в. основательно изучена историография евразийства. Обобщающий характер имеет статья А.В. Антощенко «Споры о евразийстве» (2000), которая охватывает исследования евразийства от 1920-х гг. до второй половины 1990-х гг. В работе 2003 г. автор, рассматривая идеи Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого и Г.В. Вернадского в сравнении с взглядами представителей Парижского богословского института, пытается вписать взгляды евразийцев в общий ход развития исторической мысли. А.В. Антощенко было предложено перестать изучать евразийство на уровне «идеального типа» и перейти к изучению взглядов отдельных представителей движения.

В последние годы от частных в изучении евразийства исследователи переходят к изучению движения в широком научном, публицистическом и политическом контексте. Первой такой работой стал сборник статей немецкого исследователя Л. Люкса «Россия между Западом и Востоком» (1993). Автор рассматривает евразийство в связи с анализом вопроса о путях развития России в оценках отечественной интеллигенции. Евразийство оценивается им как идеология «консервативной революции». Однако национальная и этническая проблематика автором практически не рассматривается.

В статье А.В. Головнева «Притяжение евразийской идеи» (1998) идеи евразийства рассматриваются в контексте антропологии движения в связи с развитием теории освоения пространства.

В работе М.В. Шиловского (1999) проводятся параллели между взглядами сибирских областников 1860–1910-х гг. и евразийцев. Указывается, что многие темы, актуальные для евразийцев, поднимались задолго до них в работах Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева. Учитывая возможность контактов в эмиграции между областниками и евразийцами, нельзя исключать возможность заимствования последними ряда идей сибирских ученых.

В диссертации Хэ Фан (2004) проводятся параллели между мировоззрениями евразийцев и русской литературой начала XX в. Указывается, что течение панмонголизма в литературе оказало влияние на взгляды евразийцев. «Кочевническое» осмысление истории России в художественных произведениях предшествовало евразийской историософии.

В коллективной монографии «Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация» (2010), изданной с участием новосибирских и барнаульских философов, большое внимание уделено «евразийским мотивам» в русской культуре. В качестве идейных предшественников евразийцев были названы польские и украинские сарматисты, Н.М. Карамзин, А.А. Бестужев-Марлинский, литературные, политические и

научные деятели XIX – начала XX в. Как итог был подтвержден тезис, впервые выдвинутый еще в начале 1990-х гг., о закономерности евразийского стиля мышления в России.

В работе Э.Р. Кутыевой (2005) подробно разбираются теоретические основы евразийства, особенно культурология, историософия и идеология. Выделяется методология евразийства, в основе которой лежат географические и исторические концепты. Также анализируется критика евразийства от 1920-х гг. до настоящего времени.

Историческим взглядам евразийцев посвящены работы М.Г. Вандалковской (1997, 2000, 2009), А.В. Антощенко (2003), В.М. Хачатурян (1992) и других. В качестве недостатков исторической концепции евразийцев М.Г. Вандалковская называет: разрыв с традициями русской исторической науки; предвзятую оценку некоторых моментов русской истории; невнимание к достижениям европейской науки. В то же время, такие концепты, как: актуализация самобытности развития, оценка влияния Востока на Россию и признание роли геополитики в истории народов и государств, оцениваются автором как актуальные.

В исследовании Н.В. Ануфриевой (2008) анализируется евразийская концепция взаимодействия Руси и монголов, а также дискуссия вокруг нее. Указывается, что тема монгольского нашествия на Русь стала одной из центральных в исторических исследованиях эмиграции; роль монгольского и татарского элементов в складывании русского этноса была наиболее отчетливо обозначена евразийцами.

Специальных исследований по этнической проблематике евразийского дискурса до настоящего времени практически не проводилось. Исключение составляет работа Л.Н. Гумилева (1991), посвященная Н.С. Трубецкому; где автор, предлагая критический анализ его основных идей, все же признает их актуальность. С точки зрения Л.Н. Гумилева основой евразийской теории является использование системного подхода к сфере этнической проблематики. Евразийство рассматривается как новое методологическое течение, основным положением которого является обоснование единства всех народов Евразии.

Интересна монография французского лингвиста П. Серю (2001), где евразийство рассматривается как течение, стоящее у истоков структурализма. Вопреки сложившемуся в Европе представлению о непрерывной эволюции структурализма от Ф. де Соссюра до К. Леви-Строса, автор указывает значимость вклада евразийцев в теорию этого направления. Вся евразийская концепция рассматривается им как образец принципиально нового подхода к структуре. Автор считает евразийство частью европейской научной мысли.

Исследование Е.В. Романовой (2007) посвящено анализу этнокультурной концепции классического евразийства. Выделяются ее

основные положения: принципы цивилизационной теории Н.Я. Данилевского, А.Д. Тойнби, К.Н. Леонтьева, Л.И. Мечникова, принцип соборности и принцип терпимости.

В качестве продолжения идей евразийства отечественные исследователи рассматривают творчество Л.Н. Гумилева. Его историческим и этнологическим концепциям посвящено достаточно много работ. В 2006 г. в «Этнографическом обозрении» была опубликована тематическая подборка статей «Уроки Гумилева: блеск и нищета теории этногенеза» с участием ведущих этнографов г. Москвы, г. Санкт-Петербурга, Франции, в которой теория этноса Л.Н. Гумилева была подвергнута жесткой критике как идеологическое обоснование этнической иерархии. Однако серьезного анализа ее истоков в работах евразийцев не было. Эта тема была ранее поднята в исследованиях В.А. Кореняко и В.А. Шнирельмана (2000). Основной упор в них был сделан на критику этнополитических концептов Л.Н. Гумилева и неоевразийцев. Были сформулированы выводы о националистическом характере риторики неоевразийцев, их антисемитизме, об утверждении несовместимости различных культур. Однако попыток представить этнологические воззрения евразийства в их развитии, от истоков до цельной концепции, в отечественной науке до сих пор не было.

Подводя итог историографическому обзору по евразийству, необходимо отметить наличие широкого спектра оценок – от категорического неприятия до признания его актуальной в методологическом аспекте теории. Общим для обеих точек зрения является вывод евразийства за пределы науки, придание ему статуса идеологии, политической теории или мировоззрения. Все это делает невозможным объективный анализ этого движения. В силу этого необходимо выработать четкую методологию, которая позволит выделить и проанализировать научные концепты евразийства в этнологической сфере.

Методология исследования. Основой исследования является принцип историзма, который предполагает изучение всякого явления в его генезисе и развитии, конкретно-исторической обусловленности и индивидуальности. С.А. Токарев (1978) подчеркивал, что анализ этнографических концепций невозможен, если рассматривать их статически, как нечто неизменное. Благодаря использованию принципа историзма можно проследить эволюцию евразийства, понять причины его возникновения и направления развития. Анализ контекста не менее важен, чем анализ собственно дискурса и текстов, его составляющих. Как отмечают С.А. Токарев (1966) и Г.Е. Марков (2009), развитие этнографических концепций некорректно воспринимать как имманентный процесс, только как развитие идей; оно может быть понятно только в контексте развития общества.

В данной работе евразийство рассматривается в широкой исторической ретроспективе как целостная система, в основе которой лежит единая методология. Причины возникновения и характер развития евразийства интерпретируются с учетом мировоззрения авторов, в контексте оценки культурной среды и исторической ситуации.

В основе авторского исследовательского подхода лежит трактовка евразийства как целостного направления в единстве научного, политического, общественного и культурного компонентов; являясь закономерным результатом социально-политического и социокультурного развития российского общества, опирающееся на традиции российской и мировой гуманитарной науки XIX – начала XX вв., оно возникло в среде эмиграции в 1920-е гг., получило развитие в трудах Л.Н. Гумилева в 1950–1980-х гг. и породило особый тип дискурса.

Применительно к евразийству можно говорить о том, что являясь продуктом определенной этнокультурной и социально-политической среды, оно одновременно формировало новые ценности, особенно в мировоззренческой сфере. В этом отношении методологическим основанием работы является концепция системного единства культуры, являющейся как способом, так и продуктом человеческой деятельности.

Евразийство следует рассматривать как систему – целостную качественную определенность. Согласно методологическим принципам системного анализа, элементами концепции считаются конструкты, под которыми понимаются теоретические и эмпирические понятия, создаваемые по правилам логики с четко очерченными границами. Они возникают при переходе от эмпирического знания к концептуальному и выполняют функцию перевода между эмпирическим и теоретическим языком.

Для достижения цели диссертации необходимо выделить ту область исследований, где наиболее ярко представлена этническая проблематика евразийского дискурса. В этом смысле представляет интерес определение Н.М. Могилянского 1916 г., для которого «Этнография есть народоведение. Ее задача – изучить развитие интеллектуальных и духовных сил человеческого рода; которое под влиянием расовых особенностей, географической среды и исторических условий, своеобразно протекало в различных группах, представляющих народы земного шара, и нашло свое выражение в особенностях материального и духовного уклада их жизни»¹. Именно в развитии народоведения происходило становление евразийской концепции «россисведения» и «мироведения».

Опирающееся на достижения и концепции российской и мировой науки конца XIX – начала XX вв. евразийство может рассматриваться как

¹ Могилянский Н.М. Предмет и задачи этнографии // Живая старина. Т. XXV. Вып. I 1916. С. 17.

одно из направлений становления теории этноса и теории культуры. Этнос и культура – это основные концепты этнографии, через которые и происходит становление самой науки. Несмотря на то, что в настоящее время высказываются сомнения в объективной реальности этноса в той трактовке, которую предложил в 1970–1980-е гг. Ю.В. Бромлей, тем не менее, изучение истории возникновения этой теории остается актуальным.

Для понимания евразийства чрезвычайно большое значение имеет методология цивилизационного дискурса. В своих построениях евразийцы оперировали понятием «цивилизация» (начиная с первого эссе Н.С. Трубецкого «Европа и человечество» (1920 г.), однако не раскрывая его содержания), которое до сих пор не имеет четкого определения. В мировой гуманитарной науке цивилизационный дискурс представлен концепциями Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А.Дж. Тойнби, С. Хантингтона, И. Валлерстайна и др.

В настоящем исследовании используется определение цивилизации, признанное в отечественном научном сообществе, как «высшая ступень организации и развития человеческого общества..., сложный, многослойный социальный организм высшего порядка»².

В работе И. Валлерстайна «Миро-системный анализ» (1987) было констатировано совершившееся в XIX в. преобразование мира из отдельных частей в единую мир-систему (мир-экономику). Утверждая новый подход к изучению мировой цивилизации, И. Валлерстайн указал, что экономическая, политическая и социальная стороны человеческой деятельности не являются обособленными, а подчиняются одним и тем же законам. Между этими сторонами деятельности существуют тесные связи, что предполагает выход за рамки традиционного дисциплинарного изучения.

Особое значение для работы имеет метод дискурс-анализа М. Йоргенсен и Л. Филипс (2002), который опирается на принцип социального конструктивизма. В этнологии этот принцип был широко апробирован в серии работ (С.С. Алымова (2005), С.В. Соколовского (2009)), рассматривающих различные аспекты взаимодействия науки, государства и политики.

В трактовке И.Т. Касавина (2008) дискурс – это «неоконченный живой текст, взятый в момент его непосредственной включенности в акт коммуникации, в ходе его взаимодействия с контекстом»³. Контекст – это стоящая за текстом реальность. В качестве универсального контекста выступает культура, в рамках которой происходит дискурс и формируется текст.

² Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее: в 2 т. Т. 1. Теория и история цивилизаций. М., 2006. С. 87, 89

³ Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М., 2008. С. 362

Дискурсы классифицируются по степени выраженности текста и контекста. Первый, который определяется высокой внутренней структурированностью текста и жесткой контекстуальной привязкой, является политико-экономическим. Высокий уровень структурированности текста и универсализация контекста характеризуют второй тип – научный дискурс. Третья группа дискурсов, описывающаяся своеобразием стиля текста и отчетливостью контекстов, является художественной. Последний тип, характеризующийся низкой структурой текста и универсальностью контекста, называется моральным дискурсом.

С опорой на опыт предшественников в данной работе евразийский дискурс анализируется путем реконструкции идеологического контекста и включенности евразийцев в общественно-политические и социокультурные процессы в России. Системный анализ евразийского дискурса позволяет рассматривать его в неразрывной связи политики, науки, философия и религии.

Источники. Для проведения исследований и решения задач, поставленных в диссертации, использован широкий круг опубликованных и неопубликованных источников.

Первую группу источников составляют газеты, журналы и публицистика по национальному вопросу XIX – XX вв., прежде всего: научно-публицистические журналы «Русская старина» за 1870–1908 гг. и «Русский вестник» за 1891–1906 гг.; историческая публицистика начала XX в.; публицистические статьи славянофилов, западников и проч.; литературный сборник «Скифы 1917 г., 1918 г.; журналы и газеты русской эмиграции (монархический журнал «Двуглавый орел» за 1920–1922 гг., кадетскую газету «Последние новости» за 1920–1939 гг., журнал «Новый град» за 1931–1938 гг.); публицистика деятелей эмиграции – П.Н. Милюкова, Н.А. Бердяева, А.А. Кизеветтера; сочинения религиозных философов («Православие и культура» 1923 г., «Православная мысль» 1928 г., «Христианское воссоединение» 1933 г.); религиозно-философский журнал «Путь» (1925–1940 гг.).

Анализ этой группы источников позволяет определить основные направления русской научной мысли в дореволюционной России, выделить идейные течения в среде интеллигенции, проследить эволюцию русской науки в эмиграции. Часть эмигрантской публицистики представлена архивным материалам ГАРФ из фондов К.А. Чхеидзе (ГАРФ Ф. Р-5911) и П.Н. Милюкова (ГАРФ Ф. Р-5856).

Ко второй группе источников относятся воспоминания деятелей эмиграции и эпистолярное наследие евразийцев. К сожалению, евразийцы не оставили мемуаров, что затрудняет изучение истории движения. Поэтому большое значение приобретают воспоминания других эмигрантов.

Переписка евразийцев включает в себя как опубликованные, так и

архивные материалы. Значительную часть фонда К.А. Чхеидзе составляет переписка с соратниками евразийцами: Н.Н. Алексеевым, Г.В. Вернадским, П.Н. Малевским-Малевичем, Н.А. Перфильевым, П.Н. Савицким; а также с лидером национал-большевизма Н.В. Устряловым.

В фонде П.Н. Милокова храниться письмо от П.Н. Савицкого, посвященное дискуссиям о евразийских сочинениях. В фонде П.Н. Савицкого (ГАРФ Ф. Р-5783) сохранились письма П.П. Сувчинского Н.С. Трубецкому за 1921–1927 гг. Ответные письма в настоящее время опубликованы К.Б. Ермишиной. Несколько писем П.П. Сувчинского к Н.С. Трубецкому и Н.А. Бердяеву опубликованы в сборнике документов «Российский архив».

Переписка между А.В. Меллер-Закомельским, П.Н. Савицким, Н.С. Трубецким и Н.Н. Алексеевым за 1933 г. опубликована А.В. Соболевым; им же изданы письма Н.С. Трубецкого к П.Н. Савицкому за 1930–1938 гг. При содействии Р.О. Якобсона изданы письма к нему от Н.С. Трубецкого за 1920–1938 гг. В монографии А.В. Квакина «Между красными и белыми» опубликована переписка между Н.В. Устряловым и евразийцем Н.А. Перфильевым (1930-е гг.). Отрывки из переписки П.С. Арапова, П.П. Сувчинского, Н.С. Трубецкого и П.Н. Савицкого опубликованы в сборнике «Политическая история русской эмиграции». В посмертных сборниках Л.Н. Гумилева опубликованы отрывки из писем ему от П.Н. Савицкого. На сайте «Невменандр» опубликованы несколько писем Г.В. Флоровского к Н.С. Трубецкому разных годов.

Данная группа источников позволяет воссоздать основные моменты в становлении евразийского движения, проследить идеологические и мировоззренческие искания его участников, реконструировать его взаимодействие с другими течениями эмиграции и связи в научных кругах в России, Европе и Америке XX в.

К третьей группе источников относятся программные работы евразийцев – коллективные манифесты «Евразийство: Опыт систематического изложения» (1926), «Евразийство: Формулировка 1927 года» (1927), «Евразийство: декларация, формулировка, тезисы» (1932); а также вступительная статья к первому евразийскому сборнику «Исход к Востоку» (1921) и редакционное примечание к статье В.П. Никитина «Иран, Туран и Россия» (1927 г.).

Большое значение для диссертационного исследования имеют документы, посвященные политической и организационной деятельности евразийства. К ним относятся «Программные документы евразийцев 1923 г.», «Постановление “Совета пяти” об отношениях с “Трестом”», а также ряд редакционных статей газеты «Евразия» 1928–1929 гг.: «Путь евразийства», «Евразийство и коммунизм» и др. Эти источники позволяют определить политическую позицию евразийцев среди прочих эмигрантских объединений, в том числе и по национальному вопросу.

Самую обширную группу источников составляют статьи, брошюры и заметки участников евразийства, посвященные конкретным вопросам. С конца 1980-х гг. выходит несколько сборников, куда помимо трудов евразийцев входят работы их оппонентов. Отдельные статьи евразийцев публикуются в различных научных журналах. К настоящему времени переизданы работы Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, Н.Н. Алексеева, Г.В. Вернадского и ряда других евразийцев. Но значительная часть работ по-прежнему хранится в архивах, прежде всего в собрании именных фондов ГАРФ.

В диссертации были использованы статьи из фондов П.Н. Савицкого, в том числе и без указания авторства и К.А. Чхеидзе.

Анализ этих материалов позволяет выявить этнологические взгляды как отдельных представителей движения, так и общую линию евразийства в области науки о народах.

Работы Л.Н. Гумилева выходили в СССР с конца 1940-х до начала 1990-х гг. Им было написано 10 монографий, более 200 статей, рецензий и интервью, книга очерков. С начала 1990-х гг. начинается активное переиздание трудов Л.Н. Гумилева. К настоящему времени переизданы все монографии, выпущено несколько сборников статей, эссе и переводов. Эти материалы позволяют рассматривать учение Л.Н. Гумилева в качестве развития евразийской теории.

В целом, источниковая база диссертации определяется использованием комплексного подхода. Объем и качество источников позволяют решить задачи, поставленные в исследовании.

Научная новизна и теоретическая значимость исследования определяются введением в научный оборот неопубликованных материалов евразийства. На основе широкого круга источников с опорой на современные методы анализа впервые прослеживается связь концепций евразийцев с теоретическими исканиями в российской и мировой гуманитарной науке конца XIX – начала XX в.; реконструируются основные этнологические концепции евразийства, прослеживается их влияние на формирующуюся в первой трети XX в. теорию этноса. В ходе осуществления сравнительных изысканий в приложении к истории российской этнографии прослеживается преемственность в освоении идей и концептов евразийцев и их трансформация в позднем евразийстве.

Практическая значимость определяется возможностью использовать ее выводы в ходе продолжающихся исследований по истории российской этнологической/этнографической науки. Возможно применение результатов авторского исследования при разработке учебных курсов для Высшей школы по теории и истории этнологической/этнографической науки, истории Бразили, исторической географии и культурологи.

Структура и основное содержание работы. Диссертация состоит из

введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы и приложения. Во введении обосновывается актуальность темы, дается общая характеристика степени ее изученности, определяются объект, предмет, анализируется источниковая база диссертации, раскрывается научная новизна и практическая значимость исследования.

Апробация диссертации. Основные положения исследования были представлены на ряде конференций регионального, всероссийского и международного масштаба (МНСК, РАЭСК, «Этнография Алтая и сопредельных территорий», «Сибирь на перекрестье мировых религий» и др.) в 2004–2011 гг. На основе данных диссертации в 2010–2011 гг. разработаны спецкурсы «Историческая география» и «Роль кочевых народов в истории Евразии» для студентов бакалавриата социально-экономического образования Социально-гуманитарного факультета Сургутского педагогического университета.

Первая глава «Генезис и истоки евразийского дискурса» состоит из трех разделов:

Первый раздел «История евразийства как общественно-политического и научного движения» посвящен краткой характеристике периода, предшествующего появлению евразийства, и описанию генезиса евразийства как течения в среде русской эмиграции. Евразийство – явление, ставшее результатом социокультурного и политического развития мирового и российского сообществ конца XIX – начала XX вв. Возникшее после окончания Первой мировой войны и российской революции 1917 г., оно несло на себе отпечаток как «старого», так и «нового» мира.

Характеризуя социально-политические, геополитические, общественно-политические и социокультурные процессы, шедшие в России на рубеже XIX–XX вв., можно говорить о появлении тенденции к интеграции и консолидации, призванных снять существующие противоречия (сословные, политические, культурные). Что породило особый тип дискурса, в котором невозможно отделить науку, публицистику и философию. Однако все процессы оказались прерваны революцией 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войной. Значительная часть участников дискуссий о России, ее судьбе и месте в мире, была вынуждена покинуть родину, продолжив свои искания в эмиграции.

В развитии евразийского дискурса было выделено шесть периодов: 1) 1905–1920 гг. – зарождение, становление евразийцев как ученых в условиях дискуссий внутри России; 2) 1920–1928 гг. – подъем, становление евразийства как движения и дискурса; 3) 1928–1931 гг. – надлом, переосмысление задач; 4) 1932–1939 гг. – попытки вписаться в изменившиеся условия; 5) 1940–1956 гг. – инерция, возвращение

евразийского дискурса в формат науки; б) 1956–1992 гг. – евразийство Л.Н. Гумилева, возврат к принципам дискурса «классического» евразийства.

Евразийство было сложным явлением, появление которого было закономерно. В российском обществе начала XX в. для его зарождения существовал ряд предпосылок. Однако евразийство появилось слишком поздно, поэтому его идеи оказались не востребованы в России–СССР. Упадок евразийства, его раскол, был связан с невозможностью раздвоенного существования – любить Родину и быть бессильным служить ей. Стремясь к созданию идеологического синтеза, евразийцы создали принципиально новый тип синтетического дискурса, объединив религиозную философию, науку и публицистику.

Во втором разделе «Научно-философские основания евразийского дискурса» прослеживаются связи между дореволюционной философией, естественными, общественными и гуманитарными науками.

Холистские и телеологические идеи, ставшие основой евразийского дискурса XX в., зародились в европейской и российской философии XIX в. Целостное восприятие мира, признание взаимовлияния его отдельных частей и уверенность в наличии некоей высшей цели стали для евразийцев тем базисом, на котором формируется «мироведение» – наука о мире, как целом. Другой опорой этой науки стали дореволюционное земледевие и народоведение, оперирующие понятием взаимосвязи человека и природы. Споры вокруг теории эволюции Ч. Дарвина вызвали раскол в российской науке на «позитивную», базирующуюся на категории причинности, и «русский космизм», опирающийся на телеологию.

Появление евразийства стало закономерным итогом развития российской научной мысли второй половины XIX – начала XX в. Несмотря на провозглашаемый евразийцами разрыв с дореволюционной и современной им наукой (за исключением П.Н. Савицкого, который позиционировал себя как продолжателя дореволюционной российской географии), методологическую базу их концепций составляли одни и те же теории. Из двух направлений развития российской науки, евразийцы отвергли «позитивную науку» и выступили продолжателями «русского космизма», хотя и критиковали наиболее одиозные его проявления (философию «общего дела» Н.Ф. Федорова). Формировавшаяся в отечественной науке системность легла в основу евразийского дискурса, в котором была доведена до абсолюта, что позволило им выйти на качественно новый уровень обобщений.

Третий раздел «Формирование этнонациональной концепции евразийства» посвящен дискуссиям о месте России в мире, народе, нации и национализме XIX – начала XX в. в отечественной науке и публицистике. Активизация этих споров совпадала с крупными изменениями во внешней и внутренней политике Российской империи. На

рубеже веков в среде российских интеллектуалов начало формироваться представление о «срединности» России, о существовании «третьего пути» – не Европа и не Азия, не Запад и не Восток, а их синтез и преодоление односторонности.

К 1917 г. в российском публицистическом и научном дискурсе отчетливо проявились четыре направления: «имперское», «славянофильско-панславистское», «панмонгольское-туранское» и «националистические дискурсы» (как русский, так и «инородческие»). Достаточно часто они пересекались между собой, иногда вступали в жесткое противостояние. Во многом именно отсутствие единого представления о месте и судьбе России, о принципах национальной политики привело к расколу российского общества во время революции 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войне. Евразийство должно было снять противоречие между этими дискурсами и предложить некий консенсус, способный объединить всех жителей России-Евразии. В евразийстве дискурс о самобытности России достиг апогея, преобразовавшись в системную науку – руссиеведение, как часть мироведения.

Вторая глава «Этническая проблематика в евразийском дискурсе» состоит из трех разделов:

В первом разделе «Этногеографическая проблематика евразийства» отмечается, что евразийский дискурс развивался в русле землеведения (erdkunde) как науки, изучающей отношения между человеком и природой со стороны природы. Этногеографические конструкты евразийства рассматриваются в контексте развития «воображенной географии» в России и мире. Выделяются ключевые для евразийской этногеографической концепции понятия: Евразия и месторазвитие.

Последнюю треть XIX – первую треть XX в. можно охарактеризовать как период бурного ментального картографирования мира российским и европейским интеллектуальным сообществом. Если в довоенный период оно отгалкивалось, в первую очередь, от географических характеристик, то после Первой мировой войны определяющими стали политические пристрастия. Евразийцы, в отличие от большинства современных им европейских авторов, предлагали для выделения Евразии комплекс признаков: географические, культурные, этнические и лингвистические. При этом политический фактор оказывался менее значимым, хотя и не исключался полностью – Евразия представлялась как регион, подчиненный русскому политическому влиянию, сформированный в результате «собирания земель», оставшихся после распада империи Чингисхана. Выделение России-Евразии как отдельного региона (без использования термина «Евразия») было характерно и для большинства европейских авторов. Они определяли эту область как чуждый мир

(Федеративная Советская империя, СССР), противостоящий Европе (или отдельным регионам внутри Европы). Евразийцы, фактически, выступили в качестве обоснователей новой картографии, выделяя комплекс признаков, отделяющих один регион от другого. Сочетая черты дореволюционного российского и современного европейского географических дискурсов, евразийцы вышли на качественно новый уровень обобщений, о чем свидетельствует использование конструкта «Евразия» в современной гуманитарной науке.

Из системного мировоззрения евразийцев логично вытекала необходимость введения комплексного понятия, описывающего несколько сфер бытия Евразии. Стремясь сочетать достижения антропогеографии, землеведения, народоведения и культурной морфологии, евразийцы ввели термин «месторазвитие», которое представляло собой научную форму понятия «симфония» в области этнографии и географии. Именно месторазвитие должно было стать базой для становления синтетической науки – геоэтнографии или геософии.

Второй раздел «Этнокультурная проблематика евразийства» посвящен анализу евразийской трактовки понятий «культура», «цивилизация», «симфоническая личность».

Итогом изысканий евразийцев в этнокультурной области стала теория евразийской культуры. Концепт «общеевразийская культура» занимал важное место в евразийском этнологическом дискурсе, под ним понимался синтез европейской и азиатских культур, возникший в результате снятия антитезы Востока и Запада.

Евразийцы поставили вопрос о двух составляющих общеевразийской культуры: славянском и туранском элементах. Среди туранских (или урало-алтайских) этносов евразийцы выделяли пять больших групп: финно-угорские, самоедские, тюркские, монгольские и манчжурские этносы. Эти группы можно свести к двум – финно-угорские и тюрко-монгольские этносы.

С понятием общеевразийской культуры тесно был связан концепт евразийского суперэтноса или «евразийской многонациональной личности». В состав евразийского суперэтноса входили три крупных этнические группы: славяне, финно-угры и тюрко-монголы, каждая из которых внесла свой вклад в культуру Евразии.

Евразийская теория культуры возникла в то время, когда культура стала основным объектом изучения в мировой этнографии. Несмотря на то, что евразийцы практически не ссылались на предшественников или современников, можно проследить близость их идей с теориями культурных кругов в немецкой этнографии и британским функционализмом. Евразийцы стали одними из основоположников системного анализа культуры, отмечая единство составляющих ее элементов.

Основной евразийской культурологии стало понятие «симфонической личности», введенное Л.П. Карсавиным, вытекающее из дореволюционной русской философии всеединства и связанное с понятием «коллективного бессознательного» К.Г. Юнга. Это понятие присутствует в основных декларациях евразийцев (прямо или эксплицитно): «Евразийство – опыт систематического изложения» (1926) и «Евразийство: Декларация, формулировка, тезисы» (1932). Другими евразийцами чаще использовались в качестве синонимов понятия «соборная личность», «народная личность», «многолическая личность» и т.д.

В третьем разделе «Этноисторические концепты евразийского дискурса» рассматриваются геополитическая и историческая концепции евразийства, а также формулируются положения евразийской теории этноса. Основными положениями евразийской этноисторической концепции были: необходимость создания условий для автаркии на территории Евразии; существование определенного ритма развития Евразии, проявляющегося в политической, экономической и культурных сферах; отказ от «славяноцентризма» и признание значительной роли кочевников в создании единого общеевразийского государства; отрицание дикости и отсталости кочевников.

Евразийцами не было сформулировано цельной теории этноса, однако можно отметить определенные параллели между их взглядами и позицией С.М. Широкогорова, объясняемые общей методологической базой, лежащей в дореволюционном научном и публицистическом дискурсе о народе, нации и национализме. Евразийские представления об этносе включали в себя: признание этноса (народа) симфонической личностью; утверждение о существовании взаимосвязи и взаимовлияния между народом и окружающей средой; комплексный подход к изучению этногенеза с использованием данных лингвистики, антропологии, археологии, географии; признание возможности смены этнической идентичности. Взгляды дальневосточного исследователя оказались признаны научным сообществом, легли в основу советской теории этноса Ю.В. Бромлея, тогда как евразийские концепции оказались на долгое время задвинуты в область политической публицистики, их реанимация произошла только в рамках теории этноса Л.Н. Гумилева, также бывшего научным маргиналом.

Заключение подводит итог диссертационной работы. Проведенное исследование позволяет говорить о закономерности появления евразийства. Анализ евразийских народоведческих концепций доказывает существование определенных связей с российской и зарубежной наукой, философией, публицистикой. Евразийство стало порождением философии холизма, которая впервые проявилась в сочинениях Ф.В.И. Шеллинга и ранних славянофилов, достигнув своего апогея в работах

южноафриканского мыслителя Я. Смэтса в 1930-е гг. Будучи холистской теорией, евразийство, в то же время, было всецело телеологично, что роднило его с теориями недарвинистской эволюции К.М. Бэра, Н.Я. Данилевского, Л.С. Берга. Обращаясь к народоведческой тематике, евразийство вписывалось в научный и публицистический дискурс о народности, нации и национализме, развивавшийся в Российской империи в XIX – начале XX вв.

В результате исследования подтвержден и конкретизирован тезис о системном характере евразийской концепции. Эта системность проявлялась на двух уровнях: 1) евразийская концепция объединила в единую систему достижения философии, естественных наук и народоведения; 2) евразийцы рассматривали как единую, сложную систему взаимодействие человека, среды и веры.

Евразийство стало результатом дискурса о национальной идеологии и национальной идее, а потому этническая проблематика, которой прежде не придавалось существенного значения, оказывается ключевой. Евразийцами была предпринята попытка подведения единого базиса под понятия «народ», «культура» и «общество». Они определялись через концепт «симфоническая личность».

Этнос выделялся только на интуитивном уровне, он присутствует как часть объективной реальности, но при этом не имеет никаких отличительных признаков. Поэтому абсолютно невозможно отделить один этнос от другого, хотя с точки зрения евразийцев это и не требуется, поскольку каждая личность отграничена от других самим фактом своего индивидуального существования. Поскольку этнос проявляется через свои индивидуации (отдельных личностей), важнейшим элементом в его определении становится восприятие индивидом себя как его части. Для евразийского определения этноса главным является вопрос этничности или этноидентичности.

Евразийцами была предложена национальная идея для многонационального государства, которыми являлись Российская империя и СССР. Согласно ей, существует единое этнокультурное пространство – Евразия, которая по границам практически полностью совпадает с Российской империей на начало XX в. Русские оказываются тесно связанными с туранскими народами (финно-угорскими, самодийскими, тюркскими, монгольскими и маньчжурскими) и являются нациеобразующим этносом. Все народы Евразии в равной степени причастны к совместному культурному творчеству и государственному строительству. Нет высших и низших, полноценных и неполноценных народов, Евразия – это регион дружбы и братания представителей различных этносов и культур. Необходимое условие национального единства в Евразии – отказ от локального этноцентризма (ложного национализма). Истинная национальная идея Евразии – благо всех

народов, ее населяющих.

Евразийство стало частью процесса становления этнологии, сформировалась особая школа, продолжающая традиции дореволюционного отечественного народоведения и эмлеведения, учитывающая современные ей тенденции развития мировой этнологической науки. Однако на долгое время этнические конструкты евразийства оказались вычеркнуты из научного дискурса, начал возвращаться только в 1980-е гг. при активном содействии Л.Н. Гумилева.

Можно выделить несколько причин популярности евразийской теории в современной России: политические, научные, социокультурные. К первым относится возможность использования евразийских положений о связях между славянскими, тюрко-монгольскими и финно-угорскими народами в качестве основополагающего принципа для сотрудничества в евразийском регионе. Ко вторым следует отнести тот факт, что евразийство стало закономерным итогом развития дореволюционного народоведения, в рамках которого был выработан ряд ключевых для советской и российской этнографических конструктов: народ, народность, этнос, нация и т.д. Евразийские взгляды сегодня могут быть включены в единый ход развития отечественной научной мысли XX в. И, наконец, евразийские идеи остаются актуальными в связи с продолжающимся дискурсом о месте России в мире, который перешел в новую фазу после распада СССР.

Список основных работ опубликованных по теме диссертации (общий авторский вклад – 6,5 п.л.)

Публикации в научных изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Панченко А.Б. Народоведческая проблематика в научном дискурсе последней трети XIX – первой трети XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. – № 3. – Новосибирск, 2010. – С. 52-55. (0,4 п.л.)
2. Панченко А.Б. Термины «народ», «народность», «нация» в публицистическом дискурсе XIX – начала XX веков: от славяноросов до евразийцев // Вестник СурГПУ. – Сургут: РИО СурГПУ, 2010. – № 4 (11). – С. 34-41. (0,5 п.л.)

Публикации в научных изданиях:

3. Панченко А.Б. Проблема взаимоотношения Руси/России с кочевниками (монголами) в работах евразийцев // Материалы XLII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Археология и этнография. – Новосибирск: НГУ, 2004. – С. 119-120. (0,2 п.л.)
4. Панченко А.Б. Евразия евразийцев – определение понятия //

- Материалы XLIV Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Археология и этнография. – Новосибирск: НГУ, 2006. – С. 141-143. (0,2 п.л.)
5. Панченко А.Б. Место православия в концепции евразийства. История дискурса // Сибирь на перекрестье мировых религий: Материалы Третьей межрегион. конф./ Отв. ред. Н.Н. Покровский – Новосибирск: НГУ, 2006. – С. 97-101. (0,8 п.л.)
 6. Панченко А.Б. Роль финно-угорских народов в формировании евразийской государственности (согласно концепции евразийства) // Материалы XLVI Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Этнография. – Новосибирск: НГУ, 2008. – С. 77-80. (0,2 п.л.)
 7. Панченко А.Б. Этнокультурная концепция евразийцев // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы междунар. науч. конф. Вып. 7/ Под ред. Т.К. Щегловой, И.В. Октябрьской. – Барнаул: БГПУ, 2008. – С. 29-31. (0,3 п.л.)
 8. Панченко А.Б. Финно-угорские народы в евразийской концепции // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций: Материалы XLVIII региональной (IV Всероссийской с международным участием) археолого-этнографической студенческой конференции. – Барнаул: АБГУ, 2008. – С. 214-215. (0,2 п.л.)
 9. Панченко А.Б. Проблемы периодизации евразийского дискурса // Материалы XLVII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Этнография. – Новосибирск: НГУ, 2009. – С. 53-55. (0,2 п.л.)
 10. Панченко А.Б. Эволюция понятия «Евразия» в евразийском дискурсе // Россия и мир: история и современность: Тезисы XI межвузовской конференции студентов и молодых ученых/ Отв. ред. Т.Н. Глушкова. – Сургут: РИО СурГПУ, 2009. – С. 39-40. (0,2 п.л.)
 11. Панченко А.Б. Концепт «симфоническая личность» в дискурсе классического евразийства и его христианская составляющая // Сибирь на перекрестье мировых религий: Материалы IV межрегион. конф./ Отв. ред. Н.Н. Покровский – Новосибирск: НГУ, 2009. – С. 52-55. (0,4 п.л.)
 12. Панченко А.Б. Сибиряк в Сибири: евразийский взгляд // Этносоциологию – молодым: Материалы международных школ молодых этносоциологов / Под ред. Ю.В. Попкова, Е.А. Ерохиной. Новосибирск: Нонпарель, 2009. – С. 88-91. (0,2 п.л.)
 13. Панченко А.Б. Концепт «месторазвитие» в контексте развития

- антропогеографических идей в 20-е гг. XX в. // *Материалы XLVIII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Этнография.* – Новосибирск: НГУ, 2010. – С. 31-34. (0,2 п.л.)
14. Панченко А.Б. Классификация дискурса классического евразийства // *Россия и мир: история и современность: Тезисы XII межвузовской конференции студентов и молодых ученых/ Отв. ред. Т.Н. Глушкова.* – Сургут: РИО СурГПУ, 2010. – С. 60-62. (0,2 п.л.)
 15. Панченко А.Б. Истоки теории этноса. Терминологический аспект // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета.* – Сургут: РИО СурГПУ, 2010. – № 3 (10). – С. 108-114. (0,5 п.л.)
 16. Панченко А.Б. Понятия «культура» и «цивилизация» в дискурсе классического евразийства // *Народы Евразии. Традиции и современность: материалы казахстанско-российского научного семинара (27 октября 2010 г., г. Астана) / Отв.ред.: З.Е. Кабульдинов, И.В. Октябрьская.* – Астана, 2011. – С. 27-33. (0,5 п.л.)
 17. Панченко А.Б. Евразийская теория миграции культур и ее параллели в отечественной и зарубежной этнографии первой трети XX в. // *Материалы XLIX Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Этнография.* – Новосибирск: НГУ, 2011. – С. 105-106. (0,2 п.л.)
 18. Панченко А.Б. К вопросу о характере дискуссии между евразийцами и их оппонентами в эмиграции // *Россия и мир: история и современность: Тезисы XIII межвузовской конференции студентов и молодых ученых.* – Сургут: РИО СурГПУ, 2011. – С. 5-6. (0,2 п.л.)
 19. Панченко А.Б. Евразийская концепция месторазвития в контексте становления экологии // *Россия и мир: история и современность: Тезисы XIII межвузовской конференции студентов и молодых ученых.* – Сургут: РИО СурГПУ, 2011. – С. 138-140. (0,2 п.л.)
 20. Панченко А.Б. Этноисторические и геополитические положения классического евразийства // *Исторический Ежегодник. 2011.: Сб. науч. тр. / Институт истории СО РАН.* – Новосибирск: Параллель, 2011. – С. 14-24 (0,7 п.л.)

**Подписано к печати 23.11.2011. Бумага офсетная. Формат 210х297 мм.
Гарнитура Times New Roman. Тираж 160 экз.
Отпечатано в типографии ООО «Талекс Принт»
630010, НСО, г. Бердск, ул. Ленина, 89/9, оф. 218.
Тел. (38341) 5-22-23, 8-913-209-99-39, e-mail: talex1@mail.ru**

102